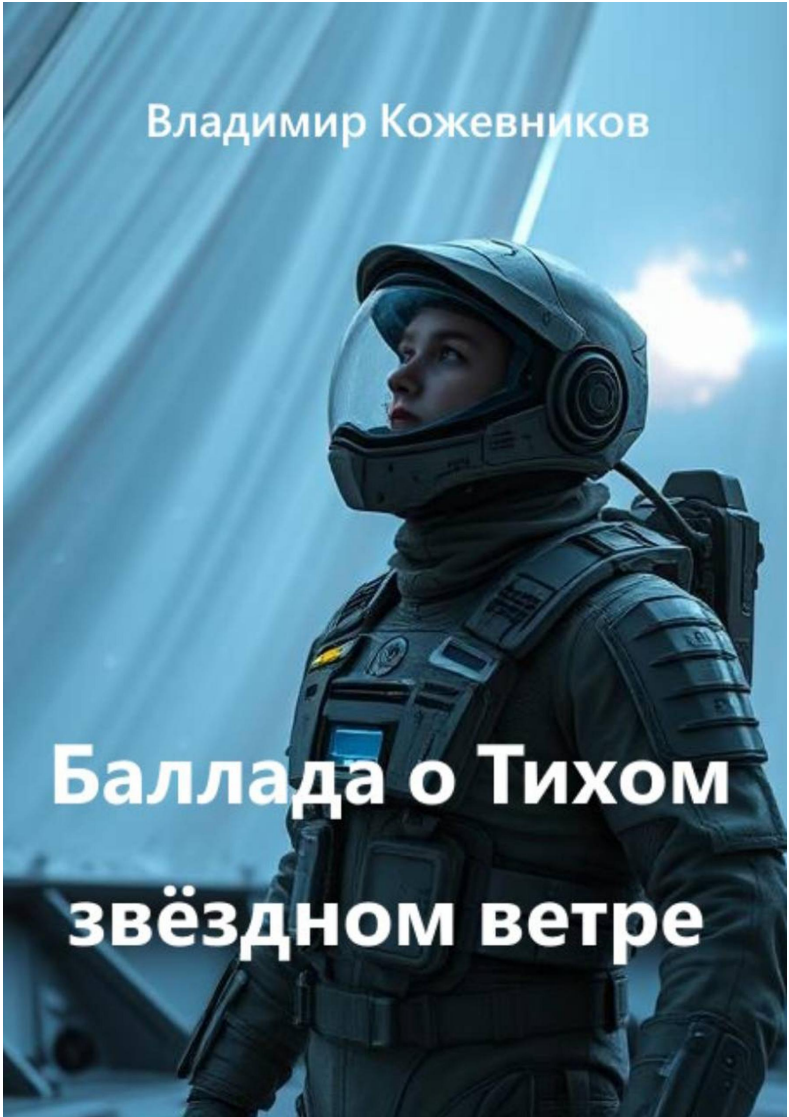

Владимир Кожевников
Баллада о Тихом звёздном ветре

Владимир Викторович Кожевников

Баллада о Тихом звёздном ветре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73227548
SelfPub; 2026

Аннотация

Сын адмирала, курсант Дмитрий Волков, отправлен в ссылку на архаичный парусный клипер «Тихий звёздный ветер» – живой упрёк эпохе гипердвигателей. Его капитан, Карина Вальс, читает космос как партитуру, а корабль движется на энергии звёздного света. Технократу предстоит забыть учебники и научиться слышать тишину, чтобы найти след пропавшего брата-близнеца. В пустоте, где гравитационные течения становятся дорогами, а следы чужих прыжков – попутным ветром, он обнаружит, что истинная мощь рождается не из грубой силы, а из гармонии с забытыми мелодиями вселенной.

Содержание

Глава 1. Сын бури на палубе тишины 4
Глава 2. Аэродинамика Вакуума 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Владимир Кожевников Баллада о Тихом звёздном ветре

Глава 1. Сын бури на палубе тишины

Вселенная за иллюминатором транзитного шаттла была оглушительно

безмолвной и безликой. Сплошная чернота, прошитая безжизненными точками

далеких солнц – не сияющими, а скорее похожими на пыль, прилипшую к бархату вечности. Дмитрий Волков, сжимая в потных, онемевших от долгого бездействия ладонях кожаный кейс с курсантскими погонами, чувствовал знакомую, почти родовую тоску. Она была острее, физиологичнее, чем просто ностальгия. Его тело, воспитанное с детства на постоянном гуле силовых полей и вибрации палубных плит тяжелых крейсеров, теперь предательски ныло от этой звенящей тишины. Тоска по запаху озона и раскален-

ного металла, по резким, отрывистым командам, по ощущению гигантской мощи, готовой по мановению руки его отца разорвать ткань реальности. По тому миру, где его фамилия – Волков – звучала не просто как имя, а как приговор и как обетование одновременно. Он был сыном Адмирала, Бога Флота, Покорителя Гиперпутей, чей профиль чеканили на памятных жетонах выпускников Академии. А его, как отработанный шлак, отправляли в ссылку. На учебную практику, как вежливо и бесстрастно указали в приказе, скрепленном цифровой подписью отца. На самом деле – на парусник, за неписаную вину пропавшего брата-близнеца. За неловкое, немое пятно на безупречном гербе рода.

«Тихий звёздный ветер». Название звучало издевкой, эпитафией целой эпохе в эпоху квантовых скачков. Дмитрий выжал из памяти учебные сведения: легкий клипер-рефлектор, экспериментальная модель столетней давности, используемый для калибровки дальних маяков и, как язвительно говорили в курилках, «для морального исправления провинившихся романтиков». Шаттл, шипя струями сжатого азота, состыковался с воздушным шлюзом, и Дмитрий, ощущая под ногами непривычную мягкость стыковочного узла, шагнул внутрь.

Первое, что он ощутил, – тишина. Но не мертвая, гнетущая тишь вакуума за бронестеклом, а живая, пульсирующая, наполненная едва уловимыми звуками, сливавшимися в странную симфонию: тихий, протяжный скрип тысячепу-

довых магнитных растяжек, похожий на стон старого дерева; сдержанное, низкое гудение силовых полей, удерживающих атмосферу – ровный, как дыхание спящего гиганта, фон; далекий, как эхо из другого измерения, голос с мостика, нечеткий, но спокойный. И воздух – вот что поразило больше всего. Он пах не стерильной свежестью циркулирующих через фильтры смесей, а деревом, настоящим, смолистым, льняным маслом и… холодным камнем. Камнем древних лун и астероидов, запахом самой космической пустоты, въевшимся, втертым в каждую микротрещину палубы за столетия странствий. Этот запах был древнее, чем сама идея гиперпрыжка.

Он прошел по коридору-трапу, и его шаги, привыкшие отдаваться металлическим эхом, теперь глушились, впитывались. Стены были не из отполированного до зеркального блеска титана, а из темного, теплого на вид космодуба – материала на основе древесных волокон, стабилизированных смолами, который сейчас использовали разве что в дизайнерских интерьерах. Под ногами слегка пружинила настоящая, пусть и синтетическая, но до иллюзии точная, древесина. Это был не корабль. Это был артефакт. Упрекающий, молчаливый мавзолей на ходу, плывущее напоминание о том, что люди когда-то покоряли звезды не силой, а терпением.

На мостике, погруженном в полумрак, где светились лишь контуры приборов и гигантская проекция, его встретил не

человек, а видение, высеченное из самого мрака и концентрации. У широкого пульта, больше похожего на старинный, изогнутый штурвал с оплеткой из темной кожи, поверх которого плыли голографические проекции данных, стояла женщина. Капитан Карина Вальс. В досье была сухая строчка: «Выпускник Академии Навигации особого профиля. Номинатор. Стаж на клиперах-рефлекторах – 12 лет». Реальность была иной. Она была невысока, худа до угловатости, словно тростинка, закаленная не просто в звездных ветрах, а в ледяных потоках межзвездной пустоты. Волосы цвета воронова крыла, отливавшие синевой при редких вспышках света от проектора, были собраны в тугой, не терпящий возражений узел на затылке. Она не смотрела на входящего, ее взгляд, острый и недвижный, был прикован к гигантской, занимающей всю носовую проекционную стену, карте. На ней сияли не привычные алые синусоиды гиперкоридоров – скоростных магистралей Флота, – а изящные, плавные, почти живые дуги, спирали и петли, вытканные серебристо-голубым светом. Они переплетались, как партитура неведомой, величественной и бесконечно медленной симфонии. Это были линии гравитационных приливов, маршруты, сотканные из невидимой силы притяжения звезд и терпеливого, неумолимого давления фотонов – звёздного ветра.

– Курсант Волков, к дальнейшему прохождению службы прибыл, – отбарабанил Дмитрий, вкладывая в уставную, зазубренную с первого курса фразу весь лёд формальности, за

которой пряталась горечь и невысказанная обида целого мира.

Карина медленно, с некой тягучей, почти болезненной точностью, обернулась. Свет от карты скользнул по ее профилю, высветив высокие скулы и тонкие, плотно сжатые губы. Ее глаза были цвета старого, глубинного льда, того, что хранит в себе память о тысячелетних зимах. В них читалась не усталость, а фокусировка хищной птицы, высматривающей малейшее движение, малейшую флуктуацию в бескрайнем пространстве.

– Волков, – произнесла она. Голос тихий, без усилия долетавший до него сквозь тихий гул, но резал слух, как тончайшая струя плазмы. – Знаю ваше досье. Блестящие оценки по тактике гиперпрыжков, дипломы по квантовой механике и теории поля. Здесь всё это… балласт. Мертвый груз. Ваш интеллект – да, пригодится. Ваши предрассудки, ваша вера в грубую силу, проламывающую реальность – нет. «Тихий звёздный ветер» движется не вопреки физике, а благодаря ее глубинным, забытым мелодиям. Тихой музыке тяготения и света. Вы здесь чтобы их услышать. Или стать самым дорогим и бесполезным грузом на борту. Ясно?

Дмитрий кивнул, сжав челюсти до хруста, до боли в висках. Внутри, под ледяной коркой дисциплины, клокотала ярость – белая, беспомощная. На нее, на эту фанатичку в мундире. На отца, который даже не вызвал его для разгово-

ра, ограничившись приказом. На слепую судьбу, перемоловшую его планы. И на брата, на Максима, который просто растворился в этой пустоте, не оставив ничего, кроме позорной метки «пропал без вести», и бросил его одного, наедине с собой, нести неподъемный груз их общей, некогда гордой фамилии. Романтик, – пронеслось в голове с едкой, едва сдерживаемой горечью. Фанатик, презирающий будущее. Изгой, играющий в парусники, когда весь флот рвет пространство на части, покоряет галактики! Но в самый глухой, задний уголок сознания, туда, где всегда жил холодный, аналитический ум, закрался вопрос, острый как игла: а что, если эта игра – и есть высший пилотаж? Что если за этой архаикой скрывается знание, которое они, «покорители», утратили?

– Отставить, – она снова повернулась к карте, одним движением вычеркнув его из своего внимания, как стирают ненужную строку с экрана. – Первая вахта у вас через шесть стандартных часов. А сейчас – пройдите на кормовую смотровую палубу. Без оценок. Без анализа. Просто посмотрите. Не пытайтесь понять умом. Попробуйте увидеть.

Дмитрий, стиснув зубы, развернулся и вышел. Он брел по лабиринту теплых, темных коридоров, пока не нашел тяжелый люк с маркировкой «Палуба С». Отодвинул засов, ощутив под ладонью шершавость настоящего металла, не покрытого гладкими полимерами.

Его встретил поток холодного воздуха – искусственный, но пахнущий озоном и той же космической каменной пылью.

Смотровая площадка была открытой, огороженной лишь невидимым, мерцающим при касании силовым барьером, сквозь который лился немой свет звезд. Он сделал шаг к самому краю, к этой дрожащей границе между миром живых и вечной пустотой.

И Вселенная перевернулась.

Бездна, всегда бывшая где-то там, над головой или под ногами, теперь была затянута им. Гигантское, фантастическое полотнище из сплетенных нанонитей, тончайшее, как лепесток орхидеи, и прочнее любой боевой брони. Солнечный парус. Он был не плоским, а слегка вогнутым, живым седлом, поймавшим в свою чашу бесчисленные потоки света. Серебристо-молочным, жидким, как ртуть, переливающимся, и в то же время неподвижным, замершим в вечном напряжении, как паутина, застывшая в безветренном воздухе. Он мерцал, ловя и отражая свет далекого солнца-маршрутной звезды, и в этом мерцании, в этих радужных бликах, танцевавших по его поверхности, была гипнотическая, почти болезненная красота. От него, словно струны гигантской арфы, на которой играет само пространство, тянулись к корпусу клипера туго натянутые магнитные тросы – темные, почти невидимые нити, лишь изредка вспыхивавшие голубым по краям. И корабль… плыл. Он не летел, не рвал пространство когтями гипердвигателя. Он именно что плыл, ощутимо, почти физически преодолевая инерцию космоса титаническим, плавным усилием воли, расчета и терпения. Это бы-

ла не скорость, которую можно измерить и похвастаться ею. Это было величие. Древнее, молчаливое, бесконечно одинокое и от этого – бесконечно гордое.

И в этот миг, глядя на эту немыслимую, античную красоту, Дмитрий Волков, технократ и сын адмирала, наследник всех гипертехнологий галактики, впервые за долгие годы, прошедшие в беге по карьерной лестнице и в тени отца, почувствовал не злость. Он почувствовал леденящий душу, сладкий и всесокрушающий ужас. Ужас перед тем, что он, возможно, ничего не понимает в этой вселенной. Что его знания – лишь детские каракули на полях великой, нечитаемой книги. И где-то там, в этой немой, холодной пустоте, на таких же забытых, тихих тропах, пропал его брат. Близнец. Его неозвученная часть, его тихая, задумчивая тень, которую он теперь должен был искать на этом самом корабле-призраке, выплывшем из самого сердца прошлого.

Воздух на палубе казался гуще, тяжелее. Звезды, не мигавшие за барьером, смотрели на него миллионами холодных, равнодушных глаз. Он простоял так долго, пока дрожь в коленях не стала физической, и только тогда, сделав глубокий, предательски дрогнувший вдох, повернулся к люку. За спиной тихо пела свою вечную песню серебряная паутина, унося его прочь от всего, что он знал.

Люк с мягким шипением закрылся за его спиной, отсекая ледяное дыхание открытого космоса. Дмитрий прислонился к прохладной стене, давая дрожи в коленях утихнуть. В ушах

все еще звенела тишина, но теперь она была наполнена отголосками увиденного – немое эхо серебряного паруса, танцующего в черноте. Он зажмурился, пытаясь вернуть себе привычный ритм мыслей, ту четкую, логичную последовательность, которой его учили: оценка обстановки, анализ угроз, составление плана. Но план рассыпался, как песок. Что он мог сделать здесь, на этой плавучей древности? Как искать следы брата в этом бескрайнем океане без маяков?

Его размышления прервал мягкий, но отчетливый звук шагов – не металлический стук, а приглушенный топот по деревянному настилу. Из полумрака коридора возникла фигура в простой рабочей робе, без знаков различия. Мужчина лет пятидесяти, с лицом, испещренным мелкими морщинами, словно высушенным солнцем и ветром, но с живыми, любопытными глазами.

– Новенький? – голос был хрипловатым, но доброжелательным. – Я Семен, боцман. Капитан сказала, тебе до первой вахты нужно место определить. Пойдем, покажу, где ты будешь дрыхнуть.

Дмитрий кивнул, не находя слов. Семен, не дожидаясь ответа, развернулся и зашагал вглубь корабля. Дмитрий последовал за ним, отмечая про себя детали: на стенах – следы потертостей, словно здесь тысячи раз проходили руками, опираясь; в воздухе, смешиваясь с запахом дерева и масла, витал сладковатый аромат чего-то похожего на чай и металлическую пыль.

– Ты, я смотрю, из «реакторных», – бросил Семен через плечо, не оборачиваясь. – По походке видно. На палубе тяжелого крейсера иначе ходят – будто всегда против течения идешь. Здесь научишься иначе. Поток не ломать, а в него встраиваться.

– Что вы имеете в виду? – не удержался Дмитрий.

Семен остановился у неприметной двери, откинул засов – опять этот архаичный механизм! – и толкнул ее внутрь.

– Вот твоя каюта. Небогато, но все свое. А насчет потока… – он обернулся, и в его глазах мелькнула искорка чего-то, похожего на снисходительную мудрость. – На реакторе ты царь и бог: захотел – рванул с места, захотел – замер. Ты командуешь энергией. Здесь… – он махнул рукой, словно указывая на весь корабль. – Здесь ты слушаешь. Слушаешь звезды, их тяготение, их свет. И если услышишь – они сами понесут тебя, куда надо. Ты не командуешь. Ты… танцуешь под их музыку.

Каюта оказалась крошечной, но не казенной. Деревянные стены, узкая койка, привинченная к полу, небольшой стол-консоль, встроенный в стену. Над столом – иллюминатор, сейчас закрытый внутренним щитком. Ничего лишнего. Но на столе, в дешевой пластмассовой рамке, стояла фотография – вид на Землю из космоса, старый снимок, потускневший от времени.

– Это… – начал Дмитрий.

– Предыдущий жилец оставил, – коротко сказал Семен. –

Парень с гиперкрейсера «Грозный», тоже поначалу нос воротил. А потом влюбился в наш «Ветер». Когда его переводили, оставил фото – сказал, пусть следующий смотрит и не забывает, откуда мы все родом. – Боцман помолчал, затем добавил: – Ужин через час в общей кают-компании. Не опаздывай, повар терпеть не может, когда еда стынет.

Он вышел, оставив Дмитрия наедине с тишиной каюты. Дмитрий опустился на койку, которая мягко пружинила под ним. Он открыл кейс, вынул погоны, положил их на стол рядом с фотографией Земли. Два символа двух разных жизней. Одна – четкая, регламентированная, с блестящим будущим. Другая – эта, теплая, деревянная, пахнущая тайной и бесконечным терпением.

Он лег на спину и уставился в потолок, где прикрученная светодиодная лампа мягко светила теплым желтым светом, совсем не похожим на холодное белое освещение на кораблях Флота. В голове снова всплыло лицо брата. Максим всегда был другим. Не тише, не скромнее – просто другим. Когда Дмитрий корпел над схемами гипердвигателей, Максим мог часами смотреть на звездные карты старого образца, те самые, с дугами и спиралями. «Здесь есть красота, Дима, – говорил он. – Математическая поэзия. Ты рвешь пространство, как бумагу, а здесь… здесь его ласкают, уговаривают». Дмитрий тогда только отмахивался, считая это блажью. А теперь он лежал на койке корабля, который двигался именно так – лаская и уговаривая пространство.

Он не заметил, как уснул. Его разбудил мягкий, но настойчивый звук сирены – не тревожной, а скорее приглашающей. Ужин. Дмитрий встал, поправил мундир, на секунду задумался, стоит ли надевать погоны, но потом оставил их на столе. Пусть пока.

Кают-компания оказалась просторной комнатой с большим деревянным столом, вокруг которого уже сидело несколько человек. Воздух был густ от пара и вкусных запахов – тушеных овощей, какого-то мяса, свежего хлеба. Дмитрия встретили молчаливыми, оценивающими взглядами. Он увидел Семена, который кивнул ему на свободное место рядом, и молодую девушку с короткими рыжими волосами и внимательными зелеными глазами – штурмана, судя по нашивкам. За столом сидели еще двое – пожилой мужчина с бородой, не отрывавший глаз от планшета, и коренастый, плечистый мужчина, который жадно уплетал еду.

– Садись, Волков, – сказала Карина Вальс. Она сидела во главе стола, но не выделялась манерой поведения – ела ту же простую пищу, что и все. – Знакомься. Это экипаж. Вернее, его часть, кто не на вахте. Штурман Алиса Рен, – девушка с рыжими волосами кивнула, – наш инженер-кибернетик Леонид Матвеич, – пожилой мужчина поднял глаза на секунду и снова уткнулся в планшет, – и наш специалист по силовым полям и по совместительству мастер на все руки Игнат. – Коренастый мужчина хмыкнул, не прерываясь от еды.

– А я, как уже знаешь, боцман, – ухмыльнулся Семен. –

И неофициальный психолог.

Ужин прошел в почти полной тишине, но это была не враждебная тишина, а скорее уставшая, сосредоточенная. Дмитрий ел автоматически, чувствуя себя чужим за этим столом. Но еда была неожиданно вкусной – настоящей, не синтетической.

После ужина Карина отпила из кружки какой-то темный напиток и сказала, обращаясь ко всем, но глядя на Дмитрия:

– Завтра входим в зону «Стремнины». Будет турбулентно. Всем быть на местах. Волков, твоя вахта с 06:00 до 12:00 на вспомогательном пульте мостика. Наблюдай, слушай, учись. Пока не лезь с инициативой.

– Есть, – коротко ответил Дмитрий.

Когда он вернулся в свою каюту, уже смеркалось – свет в коридорах приглушили, имитируя ночной цикл. Он подошел к иллюминатору, откинул щиток. За толстым стеклом плыла тьма, усеянная звездами. И где-то там, сбоку, он угадывал легкое серебристое сияние – край паруса, поймавшего свет далекой звезды. Он стоял так долго, пока глаза не начали слипаться. Перед тем как лечь, он еще раз взглянул на фотографию Земли и на свои погоны. Потом резко накрыл погоны краем рамки, скрыв их от глаз.

Впервые за многие годы сон пришел к нему быстро, без привычного прокручивания планов и расчетов. И снились ему не схемы гипердвигателей, а тихие, плавные дуги на карте, словно дыхание вселенной.

Глава 2. Аэродинамика Вакуума

Вахта Дмитрия началась не с грохота сирен или мелькания аварийных индикаторов, а с почти медитативной тишины, нарушаемой лишь ритмичными, приглушенными щелчками телеметрии и монотонным, лишенным всякой эмоции голосом вахтенного офицера – старшего штурмана Леонова, человека с лицом, испещренным сетью мелких шрамов-морщин.

– Напряжение в тросах сектора «Дельта-три» в норме. Крен по оси Z – ноль целых две десятых градуса. Фотонный напор – стабильный, – докладывал Леонов, и его голос звучал как часть общего гула, словно он был еще одним прибором.

«Тихий звёздный ветер» входил в протяженную гравитационную стремнину – естественный, почти невидимый «склон» между двумя карликовыми системами, место, где приливные силы двух умирающих солнц создавали тонкий, но устойчивый поток. Скорость, по меркам гипердвигателей, была черепашьей, смехотворной – путь, который крейсер пролетел бы за часы, здесь занимал недели. Но по меркам парусника – это была головокружительная скорость, плавное, неостановимое скольжение вниз по незримой глади.

Дмитрий стоял у вспомогательного пульта, ощущая себя слепым, глухим и бесполезным. Данные текли на экраны – не привычные ему каскады цифр о температуре плазмы или напряженности прыжкового поля, а абстрактные, почти философские величины: давление фотонов на квадратный микрон, микроискривления локального пространства-времени в единицах Эйнштейна, спектральный анализ фонового излучения с пометками «аномалия» и «артефакт». Это были понятия из учебников древней истории космонавтики, разделы, которые в Академии проходили факультативно, для общего развития, как курсы о паровых двигателях или первых аэропланах. Здесь это и есть двигатель, – с горечью подумал он, чувствуя, как его пальцы, привыкшие к скоростным интерфейсам, беспомощно замерли над сенсорными панелями старого образца.

– Волков.

Он вздрогнул. Карина появилась бесшумно, как тень. Он даже не услышал шагов по упругой палубе. Она стояла чуть сбоку, не глядя на него, ее профиль был обращен к главному проектору, где плавно изгибалась их курсовая линия.

– Что вы видите? – спросила она, и в вопросе не было проверки, а было скорее любопытство, как если бы она спрашивала ребенка, что он различает в калейдоскопе.

Дмитрий заставил себя сконцентрироваться на данных своего сектора.

– Напряжение в тросах сектора «Дельта» на 0,3% выше расчетной нормы, – отчеканил он, пытаясь вложить в голос уверенность. – Колебания носят периодический характер с малой амплитудой.

– А почему? – все тот же ровный, исследующий тон.

– Логично предположить локальную турбулентность в потоке частиц, – выдавил Дмитрий, цепляясь за знакомую логику. – Возможна микровспышка на целевом светиле, кратковременное увеличение солнечного ветра.

– Логично, – кивнула Карина, и в кивке была не похвала, а констатация факта. – И неверно. Посмотрите глубже. На спектр фонового излучения в том же секторе. Видите слабую аномалию в высокоэнергетическом, гамма-диапазоне? Еле заметный пик, затухающий по кривой Гаусса.

Дмитрий, почувствовав прилив раздражения, вызвал на экран спектрограмму. И увидел. Действительно, едва заметный горб на ровной линии. Без ее указания он бы проигнорировал его как статистический шум.

– Вижу, – сказал он сдавленно.

– Это шлейф, – объяснила Карина, и в ее голосе впервые прозвучали отголоски чего-то, похожего на увлеченность лектора. – След. След гиперпрыжка. «Гарпун-класса», если судить по характерному распаду тахионного следа и профилю энергии. Корабль среднего тоннажа. Он прошел относительно недалеко, в пяти астрономических единицах отсюда. Быстрый, грубый прыжок из точки А в точку Б. – Она сделала паузу, давая ему осознать. – Быстрый прыжок – это не просто мгновенное исчезновение и появление. Это удар по ткани пространства-времени, всплеск. Как камень, брошенный в пруд. Мы сейчас, спустя время, идем по расходящейся круговой волне от того камня. Наш парус ловит эту рябь не как набор абстрактных данных, а как физический импульс, как дополнительное, едва ощутимое давление. Вот что создало дополнительную нагрузку в 0,3%. Не вспышка. Эхо чужого рывка.

В ее голосе не было и тени презрения к его ошибке. Был холодный, точный анализ, и в этом анализе Дмитрий вдруг, с пронзительной ясностью, понял разницу. Она читает космос не так, как его учили. Не как инженер, который смотрит на приборы и видит цифры, подлежащие коррекции. Она читает его как следопыт, как охотник. По шрамам на ткани реальности, по волнам на воде, по едва уловимым запахам в безвоздушной пустоте. Она видит историю пространства, его память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.